"Только мы оба всегда будем друг с другом. Ты - та, с кем я хочу провести остаток жизни. Прости, прости, что заставил тебя волноваться, дело не в том, что ты мне безразлична".

"Я знаю", - повторил Янь Бэйчэн.

На этот раз Линь Чу ясно увидела выражение лица Янь Бэйчэна и поняла, что он действительно больше не сердится. Она была уверена, но в душе все равно чувствовала себя виноватой, что потеряла душевное равновесие из-за сообщения и заставила его так волноваться.

Она прижалась лицом к его груди. Хорошо, что она не накрасилась, иначе испачкала бы его одежду. Сейчас она была мокрой от ее слез.

Янь Бэйчэну было смешно и одновременно раздражающе видеть, как она ведет себя, как Чу Си. Он потрепал ее по волосам и сказал: "Ты похожа на Чу Си. Люди обычно дрессируют собак, но когда дело доходит до тебя, ты учишься у собаки".

Линь Чу сделал паузу и подумал о Чу Си, когда она добивалась расположения, ведя себя мило. Он уже вырос до огромных размеров, но все еще был маленьким щенком и считал себя маленьким ребенком. Каждый раз, когда он создавал проблемы, он всегда показывал ей выражение "я еще маленький".

Линь Чу не могла удержаться от смеха, думая об этом. Она посмотрела вниз на свой огромный живот, который мешал ей и Янь Бэйчэну удобно обнимать друг друга. Она желала, чтобы ее сын появился на свет быстрее.

Линь Чу мягко сказал: "Ты выглядела пугающе, когда была такой свирепой".

Признав свою вину и осознав, что поступила неправильно, Линь Чу принялась лелеять свою обиду, дуясь.

"Я была очень зла и не могла контролировать свой характер", - призналась Янь Бэйчэн. "Но если я этого не сделаю, ты не поймешь, насколько серьезным было дело".

Линь Чу надулся и заикался: "Я поступил неправильно, и я не могу просить вас не сердиться на меня. Но разве ты не можешь распределить степень своего гнева на меня в зависимости от того, какую степень зла я совершил? Ты должен... должен терпеть меня.

Если это было действительно серьезно, тогда вы можете быть очень злым. Например, как ты злилась на меня сегодня... это нужно свести к минимуму, когда это возможно".

Янь Бэйчэн рассмеялся, несмотря на раздражение. Она совершила ошибку, но все же смогла договориться с ним.

Однако его сердце щемило от того, как она выглядела во время переговоров. Ему хотелось отшлепать ее и ущипнуть, но он не мог этого вынести и в конце концов, стиснув зубы, ущипнул ее за пухлую щеку.

"Обычно я не сержусь на тебя так, как сейчас, и до сих пор это было только один раз. Можешь не волноваться, я буду таким только тогда, когда буду очень, очень зол. На самом деле, я буду говорить тебе об этом вежливо, но я боялся, что ты не запомнишь, если я буду делать это часто", - объяснил Янь Бэйчэн, ущипнув ее за щеку.

На щеке остался след, несмотря на то, что щипок был нежным.

Линь Чу не выдержала и пробормотала: "Ты обращаешься со мной как с ребенком".

"Сколько тебе лет в эмоциональном плане?" Янь Бэйчэн рассмеялся. "Когда ты пытался вести себя мило, разве ты не вел себя как маленький ребенок?"

Линь Чу надулась, не понимая, согласна она с его словами или нет.

Ее спина начала болеть, так как она слишком долго наклонялась. В сочетании с тем, что живот был тяжелым, это доставляло дискомфорт.

Линь Чу пошевелилась, чтобы Янь Бэйчэн отпустил ее, и села на свое место, массируя и сжимая поясницу.

"У тебя болит спина?" спросил Янь Бэйчэн.

Он был зол на нее только что, и, несмотря на то, что это было для ее блага, он все еще заставлял ее плакать, и он чувствовал себя виноватым. Видя, что сейчас делает Линь Чу, он почувствовал, что настало его время выступить снова.

Линь Чу старалась быть хорошей, ведь она только что разозлила Янь Бэйчэна. Услышав его вопрос, она послушно кивнула головой и ответила: "Я была в таком же положении, поэтому немного болит".

Янь Бэйчэн тут же ухватился за эту возможность и потянулся, чтобы помассировать талию Линь Чу.

С увеличением живота участились боли в спине, и Янь Бэйчэн всегда помогал ей массировать спину. Он даже читал о технике и был очень опытным.

Его сила была просто великолепна, и боль в спине Линь Чу мгновенно утихла.

Линь Чу извинилась и быстро сказала, что чувствует себя лучше, чтобы остановить Янь Бэйчэна.

В этот момент на обочине остановился дорожный полицейский на мотоцикле. Он держал в руках ручку и начал выписывать штрафы за нарушение правил дорожного движения.

Линь Чу сказал: "Давайте быстрее уедем".

Янь Бэйчэн кивнул. Он не хотел создавать проблем, но, убедившись, что с Линь Чу все в порядке, сел за руль и уехал.

...

Машина остановилась перед детским домом. Янь Бэйчэн уже собирался выйти из машины, когда Линь Чу включил свет в машине.

"В чем дело?" Янь Бэйчэн повернулся, чтобы посмотреть на нее.

Линь Чу смущенно ответила: "Я только что плакала, поэтому хотела посмотреть, как я выгляжу, иначе люди могут неправильно понять".

Она открыла козырек зеркала и подошла к нему, чтобы посмотреть на свои глаза.

Это не было заметно, так как она не плакала слишком сильно только что.

Увидев, как она смотрит на себя в зеркало, Янь Бэйчэн заверил: "Все их внимание сейчас приковано к Мо Цзиньси, и они могут не рассмотреть тебя в деталях. Даже если они заметят и спросят тебя, просто скажи, что ты была рада за Мо Цзиньси и плакала".

Линь Чу подумала, что в этом есть смысл, но она почувствовала, что что-то не так в рассуждениях Янь Бэйчэна, и посмотрела на него.

Янь Бэйчэн отстегнула ремень безопасности и рассмеялась: "Это все моя вина, из-за меня ты плакала. Если спросят, просто скажи, что я над тобой издевалась".

Линь Чу не могла заставить себя сказать такое, ведь это она была виновата.

После слов Янь Бэйчэна Линь Чу перестала на него смотреть и сказала ему с красным лицом: "Не думаю, что они это заметят".

Директор был стар и плохо видел, а учителя Ван и Юань не были так близки к директору, как она, и постеснялись бы спросить.

Семья Мо тоже не стала бы спрашивать.

Они вышли из машины и увидели, что учительница Юань ждет их во дворе, глядя через металлическую ограду.

Она увидела, что машина остановилась, но ей показалось странным, что из нее никто не вышел.

Наконец она увидела, что они вышли из машины и подошли, быстро открыла ворота и сказала: "Это случилось так неожиданно, поэтому мы быстро позвали вас к нам. Мы все ждем вас обоих".

"Как Цзиньси?" спросил Линь Чу.

"Он в шоке, но остальные дети в порядке. Цзиньси такой благословенный мальчик, мы все очень рады за него", - с улыбкой ответил учитель Юань.

Когда они вошли в гостиную, то заметили, что других детей там не было. На диване сидели только старый директор, учитель Ван и Цзиньси, напротив сидела пара средних лет и Мо Цзиншэн.

Мо Цзиньси крепко обнимал руку старого директора. Он не выглядел спокойным, его любопытные глаза смотрели на пару средних лет.

Линь Чу предположил, что это родители Мо Цзиншэна.

Легендарный начальник полиции Мо выглядел старше, чем на экране телевизора. Линь Чу не мог отделаться от мысли, что в наше время фотошоп стал нормой, когда руководитель выходит в прямой эфир или фотографируется.

Волосы начальника полиции Мо были выкрашены в черный цвет и зачесаны на пробор 7 к 3 с помощью геля для волос. Его волосы были так безупречно уложены, что ни одна прядь волос

не упала.

Он был одет в приталенный и хорошо отглаженный костюм и не расстегивал пиджак, даже когда сидел. Он сидел так прямо, как будто его фотографировали.

Госпожа Мо, сидевшая рядом с ним, была одета в свободную шерстяную блузку кремового цвета, черные брюки и туфли на высоком каблуке. Ее волосы были уложены в пучок. Кашемировое пальто было задрапировано на краю дивана.

Шеф полиции Мо иногда приглашал свою жену на официальные мероприятия.

Однако она не часто появлялась на публике, поэтому, если бы никто не упомянул, Линь Чу могла бы ее не узнать.

Теперь, когда она узнала ее, ей показалось, что ее самообладание было более располагающим. На телевидении она выглядела прилично, так как перед камерой ей приходилось всегда выглядеть на все сто. Хотя она и создавала хороший образ, но широкой публике это казалось рутиной.

Вживую госпожа Мо по-прежнему выглядела прилично, но казалась более живой; ее макияж не был таким изысканным и идеальным, как на экране, а выглядел гораздо естественнее и свежее.

Лян Сюлин пристально смотрела на Мо Цзиньси, ее глаза не мигали, словно она боялась, что Мо Цзиньси исчезнет, если она моргнет.

Выражение ее лица было нежным, и, судя по всему, ей не терпелось отдать все Мо Цзиньси.

Даже начальник полиции Мо, который всегда был одет в военную форму и выглядел суровым, имел добродушное выражение лица. Возможно, он так привык быть серьезным даже со своей женой, что когда он пытался изобразить доброжелательность, то выглядел застывшим, как высеченный камень.

Мо Цзиньси смотрел на них с нервным и любопытным выражением лица. Его черные глаза смотрели так, словно он был львенком, которого разлучили с матерью, растерявшимся и защищающимся при встрече с человеком. Лян Сюлин почувствовала, что ее сердце сжалось от боли.

Мо Цзиншэн первым заметил появление Янь Бэйчэна и Линь Чу и встал, чтобы поприветствовать их.

Он все еще был одет в полицейскую форму и выглядел в ней вполне достойно.

Янь Бэйчэн вывел Линь Чу вперед и поприветствовал: "Дядя, тетя".

Линь Чу последовал его примеру.

Начальник полиции Мо и Лян Сюлин встали, чтобы поприветствовать их. Начальник полиции Мо кивнул им, на его суровом лице проступили нотки смеха.

Лян Сюлин была гораздо более воодушевлена, приветствуя их: "Я впервые встречаю Линь Чу. Мы пришли сюда сегодня в спешке и не принесли никакого подарка".

Свадебная церемония Янь Бэйчэна и Линь Чу еще не состоялась, поэтому многие люди слышали о Линь Чу, но еще не были с ней знакомы.

"Ничего страшного, это должны подготовить мы, младшие", - с улыбкой ответила Линь Чу.

Услышав ее скромные слова и увидев, что она не льстит и не лебезит перед ними, несмотря на то, что знает их личность, и относится к ним с уважением, как к старшим, у Лян Сюлин улучшилось впечатление о Линь Чу.

Она слышала о Линь Чу, когда росла в этом приюте. Несмотря на то, что ее статус не соответствовал статусу Янь Бэйчэна, ее осанка соответствовала Янь Бэйчэну.

Она вспомнила, как они только что приехали. В детском доме не знали, что они приехали, и все дети были в сборе. Несмотря на любопытство детей, они были вежливы, не шумели и здоровались с ними как "дедушка" и "бабушка".

Когда учитель Юань и учитель Ван просили детей ложиться спать, старшие дети сами вели младших чистить зубы и переодеваться в пижамы, прежде чем лечь в постель.

Мо Цзиньси также была очень вежлива. Когда они получили заключение теста на отцовство и увидели результаты, она услышала, что Мо Цзиншэн говорил о Мо Цзиньси по дороге сюда.

Мо Цзиншэн и Мо Цзиньси тоже не были близки друг с другом. Он подробно рассказал начальнику полиции Мо и Лян Сюлин о том, что произошло вчера.

В сочетании с тем, что она слышала о Линь Чу, Лян Сюлин почувствовала, что ее внук в целом хороший мальчик.

После формальных приветствий все сели за стол. Янь Бэйчэн внимательно следил за тем, чтобы Линь Чу сел рядом с Мо Цзиньси.

Мо Цзиньси сразу же подняла голову и посмотрела на Линь Чу. Она улыбнулась ему и погладила его по голове, заверяя.

"Наш визит был очень внезапным и неожиданным, так как мы не могли больше ждать. Мы попросили вас присоединиться к нам в качестве свидетеля", - объяснил Лян Сюлин.

Выражение лица Линь Чу стало серьезным.

Старый директор взял отчет на журнальном столике и передал его Линь Чу.

Поскольку вопрос уже был упомянут по телефону, Линь Чу только взглянул на отчет и передал его Янь Бэйчэну.

"Мы хотим вернуть Цзиньси. Он наш внук. Мы искали его с момента его исчезновения. Спасибо, что заботились о нем и воспитывали его все эти годы", - сказала Лян Сюлин. Она посмотрела на Мо Цзиньси и сказала: "Цзиньси, я твоя бабушка".

Мо Цзиньси посмотрела на Мо Цзиншэна: "Когда вы вчера говорили о брате, вы имели в виду моих родителей?".

Мо Цзиншэн кивнул и ответил: "Потому что я был уверен, что ты их ребенок, поэтому и говорил об этом".

Из-за того, что случилось с Линь Чу, старая директриса больше не могла доверять людям со статусом, поэтому позвала Линь Чу и Янь Бэйчэна.

Она слышала от них, что Янь Бэйчэн знал их.

Тем не менее, Мо Цзиньси все еще была ребенком семьи Мо. Не было причин позволять ребенку оставаться в приюте, если у него есть семья.

"Цзиньси, ты можешь называть меня бабушкой?" Лян Сюлин посмотрела на Мо Цзиньси, ее глаза были мокрыми от слез.

Начальник полиции Мо внезапно закашлялся. Лян Сюлин добавил: "И называй дедушкой".

Мо Цзиньси посмотрел на Лян Сюлин, затем на начальника полиции Мо. Вчера он почувствовал, что Мо Цзиншэн ему знаком и близок, и хотел быть рядом с ним.

Глядя на начальника полиции Мо и Лян Сюлиня, он не чувствовал отдаления от них.

Его рот шевельнулся и произнес: "Дедушка, бабушка".

Он привык так здороваться с окружающими пожилыми соседями.

Однако реальное значение слов "дедушка" и "бабушка" сильно отличалось от того, что он всегда говорил. Теперь, когда он это произнес, возникло странное, но теплое ощущение, и он почувствовал комок в горле.

Мо Цзиньси дернул ртом.

Он был рад, что у него наконец-то появилась своя семья, но в то же время он чувствовал беспокойство, не зная, как сложится его будущее в связи с этими внезапными переменами.

Мо Цзиньси крепко обнял старого директора и сказал: "Но... но мне невыносимо уезжать отсюда. Старый директор здесь, и у меня много братьев и сестер".

Когда Линь Чу хотел его усыновить, он беспокоился о Ши Тоу и Тянь Тяне, но не боялся, так как знал, что, даже находясь с Линь Чу, он сможет часто возвращаться и навещать их.

Теперь, когда у него есть семья, разрешат ли они ему возвращаться и навещать старого директора и его друзей?

"Глупый мальчик, ты все еще можешь приходить в гости. Бабушка очень благодарна старому директору за то, что он заботился о тебе и хорошо тебя учил. Если ты не придешь, мы тоже навестим тебя и посмотрим, как мы можем помочь приюту", - сказал Лян Сюлин.

Мо Цзиньси посмотрела на старого директора. Она погладила его по голове и посмотрела на Янь Бэйчэна.

Янь Бэйчэн кивнул и сказал: "Мы с Цзиншэном хорошие друзья, не волнуйтесь".

Он заверил ее, что семья Мо будет хорошо относиться к Мо Цзиньси.

Старый директор наконец кивнул и сказал: "Мы будем следовать правильным процедурам, после того, как зарегистрируем домашний счет для Цзиньси, тогда...".

Старая директриса почувствовала ком в горле. Ей стало грустно от мысли, что Мо Цзиньси скоро уедет.

В конце концов, она заботилась о ребенке в течение семи лет. Это было сродни тому, как если бы она отдала кому-то своего маленького внука.

Хотя Лян Сюлин сказала, что будет часто навещать Мо Цзиньси, старая директриса считала иначе.

Лян Сюлин могла сказать это искренне, но когда старый директор посмотрел в глаза Лян Сюлин, она почувствовала, что та очень щепетильно относится к семейному положению. Она могла бы помочь детскому дому, но это было бы сделано снисходительно, в отличие от семьи Янь, которая относилась к ним искренне, как к равным.

Она боялась, что Лян Сюлин больше не позволит Мо Цзиньси навещать ее.

"Тогда может ли он последовать за нами и остаться на ночь?

Сначала только на один день?" спросила Лян Сюлин. Она заговорщицки сказала, что так будет до поры до времени. Когда Мо Цзиньси вернется с ними, они будут диктовать, когда он сможет вернуться.

Даже если бы они тянули до завершения процедуры, старый директор тоже ничего не смог бы сделать.

Старая директриса вздохнула. Она была рада, что у Мо Цзиньси есть семья, которая беспокоится о нем. Ребенку нужно было уехать, и не имело значения, рано или поздно это произойдет.

"Цзиньси, что ты думаешь?" Старый директор спросил Мо Цзиньси.

Лян Сюлин уже открыла рот, чтобы что-то сказать, когда начальник полиции Мо толкнул ее в бок, чтобы остановить.

Лян Сюлин хотела сказать, что они сами могут решать такие вопросы, почему они должны спрашивать мнение Мо Цзиньси? Что может знать ребенок?

Она чувствовала, что старый директор не хочет отпускать Мо Цзиньси в свою семью, и в душе была недовольна.

Мо Цзиньси медлил с ответом. Вдруг двое детей вбежали быстро, как пули, и остановились рядом с Мо Цзиньси. Это были Тянь Тянь и Ши Тоу.

"Брат Цзиньси, ты уходишь?" Тянь Тянь обняла Мо Цзиньси за руку и спросила со слезами на глазах.

"I..." Мо Цзиньси не мог ничего сказать.

Ши Тоу был крепким и ниже Мо Цзиньси. Он был более пухлым, чем Мо Цзиньси, но крепким и толстым, как скала.

"Брат Цзиньси, нам так трудно прощаться", - сказал Ши Тоу с красными глазами.

Он был старше Тянь Тяня и понимал больше.

Он всегда был сильным и жестким и не любил плакать перед другими, но сейчас он рыдал, и слезы текли по его лицу.

"Ты уходишь сегодня и больше не вернешься? Младшие братья и сестры еще не знают, они все легли спать и не знали, что ты уезжаешь", - сказал Ши Тоу. Он больше не мог этого выносить, его нос был заложен, и он рыдал дрожащим голосом.

Мо Цзиньси сказал: "Мне... мне тоже очень трудно попрощаться со всеми вами".

Выражение лица Лян Сюлин немного застыло.

Она посмотрела на Ши Тоу и Тянь Тяня и ничего не сказала, но Линь Чу знала, что она несчастна.

Она вздохнула, понимая чувства Лян Сюлин.

Она искала внука семь лет, и когда наконец нашла его, ей захотелось немедленно привезти его домой и заботиться о нем. Линь Чу мог понять это острое чувство.

Однако на душе у Линь Чу было немного неприятно.

Тянь Тянь повернулся, чтобы попросить Лян Сюлин: "Бабушка, не могла бы ты позволить брату Цзиньси остаться еще на несколько дней? После этого мы не сможем видеть его каждый день, как сейчас. Я прошу тебя, пожалуйста".

Лян Сюлин была недовольна от всего сердца. Как могли маленькие дети комментировать, когда говорили взрослые?

Язвительность в ее глазах вспыхнула и быстро исчезла, но Янь Бэйчэн уловил это.

"Цзиньси, что ты думаешь?" спросил старый директор.

http://tl.rulate.ru/book/32211/2134114